

Бакалавриат и магистратура: на пути повышения качества высшего образования

Интервью с Александром Ефремовым, первым проректором, проректором по учебной работе Российского университета Дружбы народов на «Эхо Москвы».

Ведущие: Меркулова Ирина, Плющев Александр.

А. Плющев: Много вопросов пришло к нам в редакцию. Я начну с первого. Рабочий Александр спрашивает: «И в чем повышение качества образования? Если раньше всех студентов учили пять лет, причем бесплатно, то теперь будут учить четыре года, а пятый год будут учить не всех и за деньги. Или вы считаете, что уменьшение срока повышает качество образования?»

А. Ефремов: Речь, конечно, не о том, чтобы только повысить качество образования. Бакалавриат, магистратура и третий уровень — доктор философии, который сейчас пока у нас называется «кандидат наук», — оговорены в Болонском соглашении, которое РФ подписала в 2003 г. и которое, хотим того или нет, мы должны теперь выполнять. На самом деле ничего страшного нет, потому что это просто некие достаточно удобные правила движения, по которым могут ездить наши образовательные автомобили. Первое, что я хочу отметить, 4 года — это бакалавриат, верно. Да, учились пять — военная подготовка была, на картошку ездили, научный коммунизм учили. Давайте выбросим все лишнее и посмотрим, что останется. Уверяю вас, не больше четырех. И более того — сейчас учебный процесс стал настолько интенсивным с использованием современных технологий, что четыре года для получения общего высшего профессионального образования без специализации в принципе могло бы и хватить. Это не значит, что у нас сразу все получится, быстро повысится качество обучения. Нет, я так не думаю. Хотя считаю, что делается все в некоем таком авральном ключе. Как вы знаете, поправка к закону о высшем профессиональном образовании была в 2007 г., где сказано, что с 1 сентября 2009 г. в основном все должны перейти на систему бакалавриата и магистратуры. Это несколько поспешные действия, с моей точки зрения, но, тем не менее, ничего страшного нет. Наш университет уже в течение 18 лет ведет подготовку по уровню бакалавриата и магистратуры, все выпускники нашли работу и после бакалавриата.

Мы в РУДН в известном смысле идем по передовому пути, берем на себя все образовательные инновации, какие только можно, нам это интересно, и это получается. И честно вам скажу, наши студенты не зависят от того, есть демографическая яма, нет ее,

уменьшилось количество контрактников в прошлом году или не уменьшилось, у нас в этом году опять был вал и бюджетников, и контрактников. Поэтому хотелось бы ответить нашему слушателю. Кроме бакалавриата, есть еще магистратура — это не год, а два — специализация в достаточно узкой области. Человек, закончив бакалавриат, получив общее профессиональное образование, может работать на месте руководящих постов — на производстве, в организациях, в фирмах, на предприятиях, где угодно. А вот когда ему потребуется более узкая специализация, тогда он может идти учиться в магистратуру. Между прочим, в Великобритании в бакалавриате учатся не 4 года, как у нас, а 3, и никаких проблем...

И. Меркулова: И тоже выпускают руководителей?

А. Ефремов: Они выпускают специалистов широкого профиля. Так же, как и мы. Вообще говоря, те, кто имеет высшее образование, становятся в результате руководителями. Это нормальное явление.

И. Меркулова: Магистратура — это же платная ступень?

А. Ефремов: Нет, это не так. Магистратура — это не платная ступень. Так же как не платные ступени бакалавриат и специальность. Она до сих пор пока еще существует. Но это немножко разный уровень финансирования. Если, грубо говоря, сто человек финансируется от государства для поступления в бакалавриат, то в магистратуру пока что, скажем, в нашем университете берут 50% от планового приема, и мы принимаем столько же по государственному бюджету. Говорят, что по бюджету будут принимать меньше, но принимать будут обязательно, потому что эти специалисты нужны. Не забывайте про третью ступень, которая касается тех, кто пойдет в науку, в руководители высшего уровня. Это, как правило, PhD.

А. Плющев: А вот Максим из сферы образования написал: «Скажите, ведь бакалавры с магистрами вводились в России и как модноевропейский шаг к «болони»? А Вы с РУДН за «болонь» или против?» В его собственном изложении, это такая система, когда студентам позволено «свободно шататься по всем университетам подписантов, лишь бы были формально набраны условные баллы за курсы лекций. И принимать свободно таких же шатающихся со стороны. А уж кто, где и каких лекторов слушал, кому и как сдавал, что учил и по каким пособиям — дело десятое». Так вот, он интересуется, мы к этому идем или нет?

А. Ефремов: Это не совсем так...

А. Плющев: Давайте поправим.

А. Ефремов: На самом деле все гораздо сложнее и более формализовано. И контроль гораздо более жесткий, чем был в предыдущих формах обучения. Но прежде всего это не мода. Я уже сказал — это жестко прописанные правила современной системы образования. Создается общеевропейская зона образования, в которой Россия хочет занять свое определенное место. К этому мы и стремимся. С другой стороны, здесь прописано, что такое система включенного обучения, когда человек может поехать и поучиться семестр или год в другом вузе, что он там должен получить, как это будет засчитываться. Или наоборот, кто-то придет к нам поучиться на год, на месяц, на семестр.

И. Меркулова: То есть просто так поехать в Сорбонну не получится?

А. Ефремов: Нет, конечно. Это делается на основе трехстороннего договора между двумя университетами и студентом. Все не так просто. В нашем университете, поскольку мы почти полностью вошли в Болонский процесс, уже многие студенты проучились семестр или год во Франции. Более того — французские студенты защищают у нас свои магистерские диссертации, а в состав аттестационной комиссии входят и российские, и французские профессора. Мы видим в этом только плюсы.

И. Меркулова: Вы говорите, что это для наших студентов хорошо. Означает ли это, что они смогут с легкостью адаптироваться на западном рынке труда?

А. Ефремов: Вы знаете, вряд ли наши студенты смогут адаптироваться на западном рынке труда. Сейчас им очень трудно туда попасть, потому что он настолько перенасыщен, что устроиться на работу по специальности в Европе очень тяжело.

И. Меркулова: То есть «утечки мозгов» не надо опасаться?

А. Ефремов: Некая утечка мозгов возможна. Но не в Европу. Может быть, в Бразилию, в Индию. А вот в нашем университете мы уже наблюдаем колоссальный приток европейцев.

И. Меркулова: Может, просто дешевле учиться?

А. Ефремов: Да нет. Наш постоянный регион — 55 человек из Латинской Америки в прошлом году, а из Европы 80. Почему? Потому, что здесь и деньги, и рынок.

И. Меркулова: А они потом остаются в России?

А. Ефремов: Естественно. Совсем недавно выпустили студенток — одна из Албании, другая из Румынии, лучшие в магистратуре. Одна из них сказала — в банке в Москве я зарабатываю столько денег, сколько не получает никто из взрослых в моей стране.

А. Плющев: Но это до кризиса, надо думать.

А. Ефремов: По поводу кризиса у меня есть сомнения. Наверное, какие-то проблемы будут, но это все-таки не наши финансовые пузыри, и деривативы не мы делали. Я думаю, что у нас все нормально будет с деньгами, с золотыми запасами, а уж тем более с запасами всего остального.

А. Плющев: Есть вопрос. Сергей, доктор психологии из Самары, спрашивает: «Как можно будет получать степень PhD человеку с пятилетним образованием?»

А. Ефремов: Я думаю, человеку, являющемуся дипломированным специалистом, скорее всего, придется получить сначала степень кандидата наук. Более того — наши законодатели пока еще не приступили к формализации законодательства по третьей ступени высшего образования. Я думаю, это произойдет чуть позже. Но тем не менее я могу привести пример. В нашем университете есть договор, и не один, с рядом европейских университетов, где наша аспирантура приравнивается к европейскому PhD. И те ребята, которые заканчивают аспирантуру и защищают диссертацию, получают сразу два диплома — нашего кандидата наук и, например, французского PhD. То есть такие варианты возможны.

И. Меркулова: Кстати, там был такой вопрос — зачем вообще такой огород было городить при наличии аспирантуры?

А. Ефремов: Мы, к сожалению, в известном смысле плохо участвуем во всех европейских начинаниях. Всегда идем чуть позади. И это проявляется во всем. Мы совершенно спокойно могли начать работу по Болонскому соглашению в 1999 г. и играть одну из первых скрипок. Но мы ждали 4 года, как всегда — пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

И. Меркулова: А теперь, собственно, мы догоняем в какой-то странной спешке...

А. Ефремов: Это не совсем так. Мы сначала вынуждены были какое-то время кланяться, чтобы они нас приняли, а потом оказались в ситуации, когда должны подчиняться уже разработанным правилам. В 2010 году Болонской декларации 10 лет. Европа должна продемонстрировать, что она сделала. Поскольку и мы среди подписантов, то тоже должны показать товар лицом. Но законодатели чрезмерно быстро приняли решение, с моей точки зрения. В итоге всех загоняют в бакалавриат и магистратуру. Хотя мы полностью за эту систему, но делать что-либо скоропалительно, непланомерно себе хуже.

И. Меркулова: Константин спрашивает, что насчет технических и фундаментальных специальностей?

А. Ефремов: Технические и фундаментальные специальности в нашем университете тоже идут по бакалавриату и магистратуре. И очень успешно. Но тут я бы хотел немного похвалить руководство нашей страны за то, что создали замечательные национальные проекты. Ведущие российские вузы, их порядка 60, выиграли большие суммы денег и оснастили оборудованием свои учебные процессы. Наш университет оснастил потрясающим оборудованием физические, химические, медицинские лаборатории. Конечно, это поднимет качество обучения. Но вот по поводу скорости принятия законодательных актов — тут есть о чем поспорить.

А. Плющев: Алексей Алексеевич из Ижевска спрашивает: «Каким образом переход на 2 ступенчатую систему высшего образования «бакалавр-магистр» отражает национальные интересы России? Делался ли анализ того, почему Россию не устраивает прежняя система профессионального образования?»

А. Ефремов: Я надеюсь, что на государственном уровне это делалось. И решение о переходе к уровню системы было принято не просто. Она ничем не хуже, чем прежняя. Традиционная российская система образования — это гумбольдтовская система. Гумбольдт придумал ее в начале XIX в., а Россия считает ее своей. Она неплохая, но уже потеряла гибкость. России очень выгодно, чтобы студенты, отучившись в бакалавриате, скажем, по одной специальности, могли в магистратуре по другой специальности учиться. То есть здесь очень много возможностей. Но самое главное, с моей точки зрения, — нам полезно иметь одни и те же правила движения в образовании с Европой. Для страны в целом это полезно. Вливаясь во всемирную экономику, во всемирное общественное движение, мы будем не изгоями, а одним из центральных игроков. Это очень выгодно. Сейчас к Болонскому процессу присоединяется уже Латинская Америка, подумывают об этом Китай и Индия.

И. Меркулова: Булат из Самары написал нам: «В нашем вузе болонскую систему называют «болванской». Скажите, а в Европе и в России бакалавр — это одно и то же?»

А. Ефремов: Конечно. Все строго нормативно прописано в документах. Раз в два года собираются министры образования всех стран Болонского соглашения на саммит для координации своих действий, если угодно, правил игры.

В нашем университете студенты о болонской системе думают иначе. Они проявили высокую степень свободы выбора не только специальностей, но и дисциплин, правда, это большая ответственность! То есть: каждый студент подписывает свой собственный учебный план и он обязан за него отвечать. Мы перестали относиться к студентам как к детям, которых можно поставить в угол. Теперь это наши партнеры. Они требуют с нас, мы с них. Это совершенно поменяло психологию отношений в вузе.

И. Меркулова: Я надеюсь, что ваш вуз все-таки не исключение в смысле ответственности студентов...

А. Плющев: У меня вопрос по вашему вузу конкретно. Известно, что у вас обучается много иностранцев. Насколько они интегрированы в процесс обучения с российскими студентами?

А. Ефремов: На 100%. Они обучаются в одних группах, на русском языке, как правило. И вместе живут в общежитиях. Хотя есть у нас и группы, которые обучаются на английском языке. Но никакой разницы между российскими и иностранными студентами нет.

А. Плющев: Сейчас процент по сравнению с советскими временами снизился?

А. Ефремов: Процент снизился, потому что увеличилось число студентов. А вот число студентов-иностранцев возросло. В свое время у нас было около 4000, сейчас уже 5000 иностранных студентов. Это очень много.

И. Меркулова: Последний вопрос: «Кто определяет количество бюджетных мест в магистратуре?»

А. Ефремов: Есть такое понятие — ежегодный государственный заказ. Мы утверждаем план приема, после чего финансируются бюджетные места в магистратуре.

По материалам ИОС «Эврика»